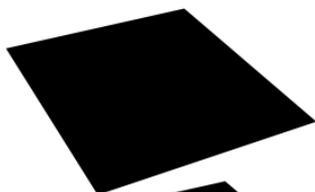

ПРОЗА ВИКТОРА
ПЕЛЕВИНА

ВИКТОР
ЛАМПА МАФУСАЙЛА,
ИЛИ КРАЙНЯЯ БИТВА
ЧЕКИСТОВ С МАСОНАМИ
ПЕЛЕВИН

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П24

Оформление серии «Проза Виктора Пелевина»
Сергея Власова

Оформление серий «Pocket book»
и «Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин»
Андрея Саукова

Пелевин, Виктор Олегович.

П24 Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чеки-
стов с масонами / Виктор Пелевин. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-089061-3 (Проза Виктора Пелевина)

ISBN 978-5-04-089062-0 (Pocket book)

ISBN 978-5-699-97085-8 (Единственный и неповторимый.
Виктор Пелевин)

Как известно, сложное международное положение нашей страны объясняется острым конфликтом российского руководства с мировым масонством. Но мало кому понятны корни этого противостояния, его финансовая подоплека и оккультный смысл. Гибридный роман В. Пелевина срывает покровы молчания с этой тайны, попутно разъясняя в простой и доступной форме главные вопросы мировой политики, экономики, культуры и антропогенеза.

В центре повествования — три поколения дворянской семьи Можайских, служащие Отчизне в XIX, XX и XXI веках.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089061-3
ISBN 978-5-04-089062-0
ISBN 978-5-699-97085-8

© В.О. Пелевин, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Действие книги происходит в параллельной вселенной, все совпадения с которой являются кошмарным сном. Высказывания и склонности героев не являются выражением позиции или вкусов автора и служат исключительно характеристике персонажей для достижения глубокого и незабываемого художественного эффекта. То же относится к каббалистическим интерпретациям знаков «Алеф-Бет».

Идут белые снеги...

Евтушенко

Часть 1

ЗОЛОТОЙ ЖУК

Производственная повесть

Эдгару Аллану По

Поскольку значительная часть моей истории (если не вся она) будет посвящена событиям с отчетливым мистическим привкусом, хочу сразу сказать, как я отношусь к этой самой мистике.

Я считаю себя одним из мелких лейтенантов Мамоны — и, как слугитель серьезнейшего из земных мистицизмов, испытываю брезгливое недоверие к любым формам мистицизма декоративного — от косых хомяков, предсказывающих футбольное будущее, до мировых религий, не способных даже на это.

Я называю серьезнейшим из мистицизмов, конечно, ту его форму, которая помогла сказочно разбогатеть всемирно известным инвесторам — например, Джорджу Соросу или Уоррену Баффету. Как профессионал, я знаю: при отсутствии надежного инсайда подсказать, в какой момент покупать, а в какой продавать акции, валюты или коммодитиз¹, может только мистическое чувство.

Это нельзя раз за разом делать верно, опираясь лишь на «информацию» — дело в том, что современный мир производит ее в таком разнонаправленном, дешевом и обильно-пенном ассортименте, что выбор между ее взаимоисключающими векторами ничем не

---

¹ Продаваемое на бирже сырье.

отличается от гадания на кофейной гуще. Зайдите на CNBC, прочтите одни заголовки — и поймете, о чем я. Знание, к какому потоку информации прислушаться — и есть ясновидение.

Еще за таким знанием может стоять инсайдерская осведомленность. Но инсайд, как известно, не бывает постоянным. Или, вернее, становится таким исключительно при отбытии тюремного срока. Сидите себе *inside your cell*¹ вчера, сегодня и завтра... Так что герои финансового космоса не жулики, нет. Они мистики. Причем очень успешные. И помогает им не «инсайд», а «инсайт» — подобие особого духовного озарения, в котором они пребывают.

Во всяком случае, так я пишу в своих обзорах, когда работаю на Цивилизацию. Когда я работаю на Вату, мои взгляды несколько запутанней. Но об этом позже.

Поэтому я не то чтобы совсем не верю в мистику. Я в нее верю — но только что объяснил, в какую. Архаичные суеверия не для меня. Я строгий и последовательный материалист — в том, что касается природы моего разума и окружающего мира. Но в Духа Денег я тем не менее верю всей душой, хотя и не пишу о нем в обзорах.

Противоречия здесь нет. Этот могучий Дух — такой же материалист, как я. Материалист до такой степени, что полностью отрицает свое существование — и вместе с ним его бытие тщательно скрываем мы, его слуги.

Теперь, надеюсь, дальнейшее будет понятней.

---

¹ Внутри своей камеры.

*

Скажу несколько слов о себе и своих корнях — просто чтобы не возвращаться к этой теме.

Мой отец был олдовым московским хиппи (многие сейчас уже не поймут, что это значит) и принадлежал к так называемой *системе* — полуэзотерическому, полунаркоманскому авангарду поколения, которое выросло перед самой советской Катастрофой и во многом ее подготовило. Я не видел папу ни разу. Вернее, наверняка видел, но не запомнил. Он умер от плохо поставленного укола, когда мне был всего год.

Среди московских хиппи было принято давать детям чуть-чуть необычные имена — как бы из зеленого ненасильственного будущего, сливающегося с былинным мультипликационным прошлым: Микола, Данила, Ермолай. В этом было что-то свежее и почти антисоветское — так, по воспоминаниям моей тетки, казалось в те дни. Но мой отец пошел значительно дальше.

Он назвал меня Кримпаем. Моя очень и очень молодая мама не возражала — это был крутой прикол по укурке. Когда папа умер, она сдала ребенка тетке из номенклатурной семьи (тоже одна из родовых черт *системы*), и воспитали меня уже там.

Помню свое первое детское постижение Отчизны: как-то после новогодних праздников, наслушавшись пьяных взрослых разговоров, я вдруг сообразил, что каждый календарный год у нас в стране бывает две холодные зимы — и только одно лето. Причем эти две зимы будут совершенно точно, что бы ни случилось, а вот насчет лета между ними — такой гарантии

нет... С той самой поры я знаю, с чего начинается Родина. С зимы. И меня смешат любые разговоры об «агрессивности русских», согласившихся прозябать в таком месте со всеми своими танками и атомными бомбами, пока рядом коптят теплое небо всякие болгары и португальцы.

Мое самое яркое детское впечатление — дореволюционная карточка из альбома со старыми фотографиями, который мне давала иногда полистать тетка.

На карточке были изображены трое. Слева стоял лучащийся счастьем мужчина в игрушечной короне, с тонкими дворянскими усиками и несколько испитым лицом. Справа — удивительной красоты молодая женщина, глядящая на своего короля с насмешливым снисхождением. На руках у нее был ребенок в пеленках, уставившийся в камеру с испугом и надеждой — словно соображая, чего ему ждать от этого таинственного мира, выпятившего на него свой стеклянный глаз... Впрочем, все малыши выходят на фотографиях одинаково.

Такой снимок сегодня назвали бы студийным, постановочным. Мужчина с усиками был одет в театральную хламиду, а его корона походила на согнутое в обруч полотно большезубой пилы. Его спутница была в простом белом платье, но оно вполне могло сойти за античную тунику.

На обороте снимка сохранилась полустертая надпись тонким карандашом:

ЛИЗОЧКА, МАРКИАНЪ
И КРОХА МАФУСАИЛЬ

Моя тетка сказала, что это мои прапрадед с прапрабабушкой (ребенок, соответственно, приходился мне прадедом, что плохо укладывалось в голове). Как следовало из золотого штампа, карточку выпустило фотографическое ателье в девятнадцатом веке — но она была цветной, и цвета выглядели прилично. Наверно, ее раскрасили пастелью вручную, а потом покрыли лаком: зубцы короны были замечательно подсвечены множеством крохотных золотых блесток, делавших картинку очень живой.

Мафусаилом звали малыша — а Маркианом мужчину в короне. Это были редкие имена, и оттого я — обладатель столь же странного и необычного имени — сразу проникся к этой дореволюционной семье нежнейшими чувствами. Выходило, дело не в папе-дураке, а в древней семейной традиции. Маркиан Можайский, Мафусаил Можайский, а еще через пару поколений — Кримпай Можайский. Вполне.

По семейной легенде, Маркиан украсил себя золотой короной, потому что нашел серьезный клад. Долгое время он жил с моей прабабкой в Баден-Бадене, где и был сделан снимок. О судьбе малыша Мафусаила сведений не сохранилось.

Вот здесь, наверно, и зародилась моя будущая страсть к золоту. Мне казалось, что корона на фотографии волшебная, и если долго-долго глядеть на ее поблескивающий обруч, люди со снимка заметят меня — и сообщат что-то очень важное с другой стороны вековой пропасти между нами... Я пробовал даже тереть корону, как лампу Аладдина — и оставил на бумаге пятно. Карточка потом куда-то потерялась,

но я до сих пор вижу мерцающие золотые блестки, как только закрываю глаза.

Когда я чуть подрос, тетка сказала, что мое имя — индийское и означает «герой». Типа «Рабиндранат, Рамана и Кримпай». Это меня вполне устраивало, и я ухитрился миновать самые чувствительные в смысле личностных запечатлений годы без всяких комплексов. Но уже в шестом классе умудренные порнотрафиком одноклассники с хохотом объяснили мне мой настоящий смысл.

Creampie — то есть «кремовый (или сливочный) пирог» — это особый жанр порно, где актер-мужчина не пользуется презервативом, завершает процедуру именно так, как замыслила природа, — а в конце клипа демонстрируется крупный план женского интимного места с вытекающим мужским семенем. Именно этот оптимистический жизнеутверждающий кадр и называется «пирогом со сливками» из-за некоторого внешнего сходства.

Вот уж действительно — точное имя, прямодушно и без прикрас фиксирующее реальность: Кримпай Сергеевич. В известном смысле мой папочка превзошел французских экзистенциалистов — разве можно короче и лучше объяснить подрастающему человеку, что он такое и какая сила бросила его в мир?

Если русских зовут иванами, а немцев фрицами — то всех людей вообще зовут кримпаями. Но жить с таким именем от этого не легче.

Мои подруги (их было несколько, пока я не разобрался в себе), а потом и друзья называли меня «Крим». И да, шутка «Крим наш» уже была. Много раз, с кримом и без.

*

Однажды, когда я был еще совсем маленьким — лет восьми — в окно дачи, куда тетка вывозила меня на лето, влетел странный бронзовый жук. Он был желто-золотого цвета, с легким красным отливом, и казался комком живого золота.

Я в это время сидел у стола и рисовал испанский галеон. Из его пушечных портов торчали дула орудий, а на палубе ровными рядами стояли сундуки с сокровищами, потому что в трюм все не помещалось.

Я успел только поднять глаза — и эта тревожно гудящая золотая пуля, разогнав по комнате широкую дугу, без всякого предупреждения ударила меня в лоб.

Я жутко перепугался, закричал, свалился со стула — и забился под стол. Жук сделал по комнате еще несколько кругов: его жужжание то приближалось ко мне, то удалялось. Я чуть не визжал от страха — мне почему-то казалось, что он нападет на меня снова. Но, прогудев еще раз прямо над моей головой, жук вылетел в окно.

Я никогда прежде не видел бронзовика такого странного цвета. Обычно эти жуки изумрудные — и чуточку отливают золотом. Но этот был отчетливо золотым, гораздо светлее — будто в его пигмент забыли добавить зеленую густоту. Он словно весь был покрыт чешуйками золота с моей любимой старой фотокарточки.

— Альбинос, — сказала тетка, когда я сообщил ей о случившемся.

— Что это значит?